Розен

Мир или война во что бы то ни стало?

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ДК555
Р74

МИРЪ

ИЛИ

ВОЙНА ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО?

Баронъ Романъ РОЗЕНЪ.

„ПРОМЕДЛЕНІЕ ВРЕМЕНИ — СМЕРТИ
БЕЗВОЗВРАТНОЙ ПОДОБНО".

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

ГИЗ2
Р741 Р

МИРЪ

ИЛИ

ВОЙНА ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО?

Баронъ Романъ РОЗЕНЪ.

„ПРОМЕДЛЕНІЕ ВРЕМЕНИ — СМЕРТИ
БЕЗВОЗВРАТНОЙ ПОДОБНО“.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИЗ2 р
Р74

Предисловіе.

Изъ собранныхъ въ этой брошюрѣ статей, только первая могла быть напечатанной въ газетѣ „День“. Для полученія возможности опубликовать пятую, подъ видомъ письма къ А. М. Горькому, мнѣ пришлось обратиться къ патріотическому безпристрастію уважаемаго политическаго противника.

Б. Р. Р.

Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
Соб
24575
160325

Выходъ изъ тупика.

„Промедленіе времени—смерти безвозвратной подобно".

I. *)

Изъ устъ А. И. Гучкова и А. Ф. Керенскаго и въ послѣдніе дни самого верховнаго главнокомандующаго генерала Алексѣева русскій народъ услышалъ мужественное и истинно патріотическое признаніе правды: Россія стоитъ на краю гибели.

Спасеніе отечества повелительно требуетъ незамедлительнаго пріисканія пути къ выходу изъ нынѣшняго болѣе чѣмъ критическаго его положенія. Такой путь существуетъ и онъ для насъ еще открытъ пока явно растущая грозная волна анархіи еще не захлестнула нашей государственности. Поэтому, съ вступленіемъ на этотъ путь, медлить нельзя. Для этого необходимо, прежде всего, отрѣшиться отъ всякихъ высокопатріотическихъ, но, тѣмъ не менѣе, пагубныхъ иллюзій. Необходимо смотрѣть правдѣ прямо въ глаза. Неприкрашенная же правда заключается вотъ въ чемъ:

Революціонный народъ, въ полномъ единеніи съ революціонными арміею и флотомъ, **въ смутномъ инстинктивномъ сознаніи катастрофальнаго для Россіи значенія этой войны, властно требуетъ ея окончанія въ возможно скорѣйшемъ времени.**

Лозунгъ „война до конца" не соотвѣтствуетъ совокупности условій дѣйствительности. Измѣнить эти условія никто не властенъ. Закрывать же глаза на эти условія, которыя, при быстро надвигающейся полной разрухѣ всей экономической жизни страны, могутъ только изо дня въ день ухудшаться, значитъ обманывать только самихъ себя. Противникамъ нашимъ, не менѣе чѣмъ нашимъ союзникамъ, эти условія не могутъ не быть извѣстными и, безъ сомнѣнія, соотвѣтственнымъ образомъ учитываются.

При такихъ условіяхъ мы рискуемъ и быть оставленными нашими союзниками, и быть въ концѣ концовъ припертыми къ позорной необходимости сепаратнаго мира, *если мы будемъ долѣе откла-*

---

*) Перепечатано изъ газеты „День" отъ 20 мая 1917 года.

бывать вступленіе на единственно еще открытый намъ путь, соотвѣтствующій чести и достоинству Россіи, на которомъ мы можемъ надѣяться найти и для себя и для Европы выходъ изъ создавшагося событіями кроваваго тупика и вмѣстѣ съ тѣмъ дать столь долго жданное удовлетвореніе изстрадавшемуся человѣчеству, несомнѣнно страстно жаждущему прекращенія этой позорящей цивилизацію взаимно истребительной междоусобной войны народовъ бѣлой расы.

Этотъ путь намъ указанъ самимъ ходомъ и неумолимою логикою событій. Вѣдь и для добровольно слѣпыхъ не можетъ не быть совершенно яснымъ, что первоначально имѣвшаяся въ виду обѣими сторонами цѣль войны: совершенное сокрушеніе противника силою оружія, недостижима какъ для той, такъ и для другой стороны. Такимъ образомъ война грозитъ обратиться въ медленный процессъ болѣе или менѣе общаго для обѣихъ сторонъ истощенія, длительность котораго даже приблизительно учесть невозможно, такъ какъ всякіе расчеты на близость истощенія военныхъ, матеріальныхъ и моральныхъ силъ нашего противника, хотя и несомнѣнно слабѣйшей стороны, могутъ быть основаны только на гадательныхъ данныхъ. Позволительно думать, что эти соображенія могли бы показаться достаточно убѣдительными и для противника нашего, несмотря на шовинистическія и велерѣчивыя выступленія въ парламентѣ германскаго канцлера и статьи подцензурной германской печати. Остается намъ, поэтому, отбросивъ всякіе ничего ясно опредѣленнаго не выражающіе лозунги, **вступить въ дипломатическіе переговоры съ нашими союзниками и ставшими на сторону нашей коалиціи Соединенными Штатами Америки и этимъ путемъ выяснить, какія конкретныя условія будущаго мира могли бы удовлетворить справедливымъ требованіямъ нашихъ союзниковъ и могли бы быть согласованными съ духомъ декларацiи Временнаго Правительства и принципами, провозглашенными президентомъ Вильсономъ,** причемъ центромъ такого дипломатическаго дѣйствія естественно былъ бы Лондонъ. По достиженіи намѣченнаго соглашенія могли бы быть союзниками выработаны сообща основныя условія будущихъ переговоровъ о мирѣ, которыя могли бы быть затѣмъ сообщены германскому правительству въ видѣ ультимативнаго предложенія коалиціи, обнимающей теперь уже почти весь цивилизованный міръ, предоставивъ этому правительству либо принять эти условія, либо взять на себя впредь все бремя отвѣтственности за неизбѣжное, въ случаѣ отклоненія имъ этихъ условій, дальнѣйшее продолженіе войны.

Такое дипломатическое выступленіе Россіи нисколько не нарушало бы взятаго ею на себя передъ союзниками обязательства, которое, хотя и связало намъ руки и поставило насъ въ положеніе нѣкоторой подчиненности по отношенію къ державамъ болѣе нашего

отечества могущественнымъ и богатствомъ и культурою, тѣмъ не менѣе не лишаетъ Россіи права голоса въ вопросѣ о своевременности приступленія къ ликвидаціи войны путемъ мирныхъ переговоровъ. Удѣльный же вѣсъ голоса Россіи естественно будетъ соотвѣтствовать степени нетронутости ея моральныхъ и матеріальныхъ силъ.

Вотъ почему столь существенно важно, чтобы это выступленіе Россіи состоялось *безъ малѣйшаго промедленія* пока наша государственность, уже подтачиваемая анархіею, представляетъ еще достаточно внушительный фронтъ, и, не дожидаясь результата готовящагося наступленія нашихъ армій. Чѣмъ благопріятнѣе будетъ результатъ нашего наступленія, тѣмъ большій вѣсъ оно придастъ голосу нашей коалиціи при предстоящихъ переговорахъ.

Нельзя, вѣдь, не признать, что съ такимъ дипломатическимъ выступленіемъ мы, увы, слишкомъ только запоздали. Оно должно бы было послѣдовать въ отвѣтъ на обращеніе къ воюющимъ державамъ президента Вильсона, вызванное заявленіемъ германскаго правительства о его готовности приступить къ мирнымъ переговорамъ. Почему же оно тогда не состоялось? Потому, очевидно, что Правительства, печать и вообще правящіе классы всѣхъ участвующихъ въ войнѣ государствъ слишкомъ далеко зашли въ проповѣди „война до конца“, т. е. до полнаго сокрушенія противника силою оружія, чтобы которое либо изъ этихъ правительствъ открыто созналось въ своей готовности искать разрѣшенія связанныхъ съ войною вопросовъ путемъ переговоровъ. Правда, германское правительство какъ будто рѣшилось на такой шагъ, заявивъ о своей готовности приступить къ мирнымъ переговорамъ. Но это его выступленіе противною стороною было признано — и не безъ нѣкотораго основанія — злостною ловушкою. Оно дѣйствительно было ловушкою, но только не въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно понималось нами.

Истинныя намѣренія германскаго правительства, казалось бы, проглядывали съ достаточною ясностію въ его заявленіи: оно желало дать удовлетвореніе воплямъ голодавшаго народа о скорѣйшемъ заключеніи мира и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялось получить возможность противопоставить этимъ воплямъ наглядное доказательство невозможности приступленія къ мирнымъ переговорамъ изъ-за положенія принятаго союзниками угрожающими германской и союзнымъ съ нею имперіямъ полнымъ разгромомъ и расчлененіемъ. Это доказательство германское правительство и солидарные съ нимъ милитаристически настроенные классы германскаго общества не могли не найти, и очевидно, должны были широко использовать для своихъ цѣлей, въ коллективномъ отвѣтѣ союзниковъ на обращеніе президента Вильсона и въ особенности въ той его части, въ которой излагались требованія спеціально наши.

Такимъ образомъ, создался тотъ роковой тупикъ, выходъ изъ котораго могъ быть повелительно указанъ только вмѣшательствомъ новаго могучаго фактора, каковымъ и явилась русская революція.

Въ этомъ ея великое міровое значеніе и въ этомъ проявилось истинное величіе русской народной души. Русская демократія, не убоясь кривотолковъ и нареканій, первая возымѣла мужество сказать на весь свѣтъ разрѣшительное слово, разсѣявшее чары кроваваго гипноза, подъ вліяніемъ котораго народы Европы съ самоубійственнымъ ожесточеніемъ трудятся вотъ уже почти три года надъ взаимнымъ другъ друга истребленіемъ и разореніемъ.

Благодарное человѣчество ей этого не забудетъ, когда солнце мира снова возсіяетъ надъ окровавленной и истощенной Европой.

II.

Въ настоящее грозное время не должно быть мѣста увлеченію лишенными реальнаго основанія надеждами. На такихъ шаткихъ элементахъ не можетъ основываться политика стоящаго на краю гибели великаго государства. Необходимо смотрѣть правдѣ въ глаза и найти выходъ изъ созданнаго нашему отечеству истинно трагическаго положенія.

Выходъ изъ создавшагося ходомъ событій тупика указанъ былъ только что свергнувшею иго самодержавія побѣдоносною демократіей предъявленіемъ Правительству требованія о незамедлительномъ, въ видахъ скорѣйшаго окончанія войны, начатіи переговоровъ съ союзными державами, о присоединеніи ихъ къ программѣ русской демократіи: — мира, какъ только онъ могъ бы быть достигнутъ путемъ переговоровъ (но отнюдь не сепаратнаго мира съ Германіей, какъ въ томъ политическіе противники голословно обвиняютъ демократію, а общаго мира въ полномъ согласіи со всѣми нашими союзниками), — мира безъ аннексій и безъ контрибуцій; и мира на основѣ самоопредѣленія народовъ.

Программа эта первымъ Временнымъ Правительствомъ, составленнымъ изъ однихъ, за исключеніемъ А. Ф. Керенскаго, представителей такъ называемыхъ „буржуазныхъ“ партій была принята лишь подъ давленіемъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и со столь мало скрываемою неохотою, что у нашихъ союзниковъ создалось совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительности представленіе объ истинномъ смыслѣ и значеніи Русской революціи.

Буржуазныя либеральныя партіи, вдохновившія революцію, мыслили ее не только какъ ниспроверженіе режима самодержавія, заподозрѣннаго ими въ желаніи скорѣйшаго окончанія войны даже путемъ сепаратнаго мира съ Германіей, но и какъ обезпеченіе возможности дальнѣйшаго веденія войны до „полной побѣды“, съ достиженіемъ которой связанъ ихъ собственный политическій кредитъ, такъ какъ онѣ сами поддерживали и поощряли имперіалистическую политику павшаго режима на Ближнемъ Востокѣ, т. е. ту самую политику, которая, при первомъ столкновеніи съ Австро-Венгріей должна была, въ силу связывающихъ всѣ великія державы союзовъ автоматически привести и дѣйствительно привела къ катастрофѣ міровой войны.

Между тѣмъ, для массъ народныхъ, въ лицѣ своихъ представителей петроградскихъ рабочихъ и солдатъ, дѣйствительно осуществившихъ революцію, она была возстаніемъ не только противъ „царизма“, но главное противъ бѣдствій и ужасовъ нескончаемой войны.

Въ этомъ коренномъ противорѣчіи и кроется источникъ той проглядывающей въ явныхъ колебаніяхъ нашей дипломатіи двойственности нашей политики, которая ввела въ заблужденіе и продолжаетъ вводить въ заблужденіе нашихъ союзниковъ, весьма естественно склонныхъ приписывать преобладающее значеніе тѣмъ партіямъ, съ которыми ихъ Правительства находятся въ наиболѣе близкомъ соприкосновеніи.

Однако, совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ хотя и являются совершенно самочинными организаціями, тѣмъ не менѣе стоятъ гораздо ближе, нежели „буржуазныя“ партіи, къ народнымъ массамъ, и они вполнѣ вѣрно учли истинныя чувства и настроенія многомилліонной массы рабочихъ и солдатъ, истинныхъ, кровь отъ крови и кость отъ кости, представителей трудового крестьянства, т. е. того класса, который составляетъ громадное большинство населенія Россіи, и на которомъ держится ея сила и благоденствіе.

Если бы вожди „буржуазныхъ“ партій, стоявшіе во главѣ Временнаго Правительства, и со своей стороны учли это,—они могли бы незамедлительно **вступить въ переговоры съ нашими союзниками и ставшими на сторону нашей коалиціи Соединенными Штатами Америки, чтобы выяснить, какія именно конкретныя условія будущаго мира могли бы удовлетворить справедливымъ требованіямъ нашихъ союзниковъ и могли бы быть согласованными съ лозунгами русской демократіи и принципами, провозглашенными президентомъ Вильсономъ.** И по достиженіи такого соглашенія союзниками могли бы быть сообща выработаны основныя условія будущихъ переговоровъ о мирѣ, которыя могли бы быть затѣмъ сообщены германскому правительству въ видѣ ультимативнаго предложенія коалиціи, обнимающей теперь уже почти весь цивилизованный міръ, предоставивъ этому правительству либо принять эти условія, либо взять на себя все бремя отвѣтственности за неизбѣжное, въ случаѣ отклоненія имъ этихъ условій, дальнѣйшее продолженіе войны.

Такое дипломатическое выступленіе Россіи, разумѣется, должно-бы было состояться еще въ декабрѣ минувшаго года въ отвѣтъ на обращеніе къ воюющимъ державамъ президента Соединенныхъ Штатовъ и было бы имъ безъ сомнѣнія встрѣчено съ величайшимъ удовлетвореніемъ, такъ какъ оно, въ то время, когда политическій и стратегическій фронтъ нашъ еще былъ нетронутымъ, явилось бы не только весьма могучею, но прямо можно сказать рѣшающею поддержкою его благородныхъ усилій въ пользу востановленія мира въ Европѣ.

Если выступленіе Россіи тогда не состоялось, какъ оно и до сихъ поръ не осуществилось, — опубликованіе декларативныхъ заявленій Временнаго Правительства и даже предложеніе союзникамъ собраться въ августѣ на конференцію для пересмотра условій заключенныхъ между союзниками договоровъ, все это, предназначенное для домашняго потребленія и успокоенія соціалистическихъ партій, никакъ нельзя признать дѣйствительнымъ вступленіемъ на путь подготовительныхъ переговоровъ, направленныхъ къ скорѣйшему заключенію мира, путь указанный Правительству русскою демократіею — то это можетъ быть объясняемо только тѣмъ, что тѣ самыя вѣянія, которыя обусловливали тогдашнюю политику нашей дипломатіи, не потеряли еще и теперь своей обаятельной силы. А между тѣмъ время не только не терпитъ, но „промедленіе“ его грозитъ сдѣлаться дѣйствительно „смерти подобнымъ“ Мы уже вступаемъ въ шестой мѣсяцъ революціи и грозныя волны анархіи все болѣе подмываютъ самыя основанія нашей государственности, и мы съ каждымъ лишнимъ мѣсяцемъ продленія войны все ближе подходимъ къ катастрофѣ государственнаго банкротства и окончательной разрухи экономической жизни страны.

Вмѣсто приступленія къ такимъ переговорамъ вожди „буржуазныхъ“ партій предпочли остаться связанными своимъ лозунгомъ „война до полной побѣды“ и своею имперіалистической программою, включающей завоеваніе для независимой Польши Познани и Галиціи, разгромъ Австро-Венгерской монархіи съ выкройкой изъ ея лоскутковъ двухъ славянскихъ государствъ, и завоеваніе Ѳракіи съ Константинополемъ и проливами. Уходомъ своимъ изъ состава Временнаго Правительства они, въ самый критическій моментъ исторіи страны, предоставили управленіе государственнымъ кораблемъ однобокому веденію соціалистическихъ партій съ ихъ программою незамедлительнаго осуществленія утопическихъ доктринъ соціализма.

Нельзя не сожалѣть глубоко со всѣхъ точекъ зрѣнія о принятіи „буржуазными“ партіями такого положенія въ этомъ вопросѣ, въ особенности еще и потому, что это обѣщаетъ имъ пораженіе на предстоящихъ выборахъ въ Учредительное Собраніе. Какія бы программы ни выставляли разныя партіи, исходъ выборовъ въ дѣйствительности опредѣлится ихъ отношеніемъ къ вопросу о мирѣ и войнѣ, а на почвѣ этого вопроса соціалистическія партіи, которыя вѣрно учли истинное настроеніе народныхъ массъ, несомнѣнно относящихся вполнѣ отрицательно къ лозунгу „война во что бы то ни стало“ должны одержать сокрушительную побѣду.

Неудача, которая пока, повидимому, сопровождаетъ старанія демократій воюющихъ странъ объединиться въ поддержаніи программы русской демократіи, наноситъ несомнѣнный ударъ дѣлу демократіи

во всемъ свѣтѣ. Если бы эта неудача опредѣлилась какъ окончательная, то это означало бы полное вездѣ торжество духа того самаго милитаризма, сокрушеніе котораго мы и наши союзники провозгласили главною цѣлью этой войны.

А передъ Соединенными Штатами стоитъ и нынѣ та самая высокая задача, выполненіе которой очевидно было идеаломъ, вдохновлявшимъ президента Вильсона, и сдѣлается возможнымъ, когда великодушная американская нація придетъ къ сознанію, что помочь своимъ сестрамъ націямъ Европы спасти себя и вырвать себя изъ кровавой тины ихъ засасывающей она сможетъ только тогда, когда она обратитъ весь свой авторитетъ на убѣжденіе европейскихъ народовъ въ необходимости покончить свои взаимные счеты, согласно велѣніямъ разума, путемъ переговоровъ и соглашенія, прежде чѣмъ прольются новыя рѣки крови и слезъ и пока причиненныя войною общее разореніе и уничтоженіе матеріальныхъ и духовныхъ цѣнностей не сдѣлались еще непоправимыми.

14-го августа 1917 г.

III.

Безславное крушеніе недавней попытки военнаго выступленія должно бы, казалось открыть глаза даже самымъ упорно слѣпымъ приверженцамъ политики „войны до конца“ и убѣдить ихъ въ безнадежности стараній навязать эту политику народу инстинктивно сознающему катастрофальное для Россіи значеніе этой войны и рѣшительно противящемуся ея дальнѣйшему продолженію. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ освѣтило истинное положеніе вещей достаточно яркимъ свѣтомъ, чтобы всѣмъ стало яснымъ, что мы стоимъ **передъ альтернативой**: либо скорѣйшаго заключенія общаго мира, въ согласіи съ нашими союзниками, къ переговорамъ съ которыми въ этихъ видахъ необходимо приступить безъ малѣйшаго промедленія, либо анархіи, гражданской войны и распада Россіи какъ государства.

Несмотря на состояніе нашего фронта, наша коалиція, благодаря присоединенію къ ней неисчерпаемыхъ матеріальныхъ силъ и высокаго моральнаго авторитета Соединенныхъ Штатовъ Америки, достаточно могущественна чтобы — **если только и когда только она этого дѣйствительно пожелаетъ** — вынудить подчиненіе германскаго правительства и правящей касты, на которую оно опирается, волѣ теперь уже почти всего человѣчества, объединившагося въ рѣшимости положить конецъ міровой войнѣ на такихъ конкретныхъ условіяхъ, основанныхъ на правѣ и справедливости для всѣхъ, которыя могли бы быть имъ предложены коалиціей на выборъ: принятія или отклоненія. Такая попытка должна быть сдѣлана незамедлительно и безотносительно къ расчетамъ на успѣхъ или неудачу, хотя бы для того, чтобы, въ послѣднемъ случаѣ, для всего свѣта и для самого германскаго народа сдѣлалось совершенно яснымъ, кто тѣ лица и тѣ партіи, которыя впредь одни несли бы все бремя отвѣтственности за чудовищное преступленіе продленія ими же вызванной и начатой войны.

Очевидно ближайшей нашей задачей должно бы быть безотлагательное приступленіе къ переговорамъ съ нашими союзниками въ видахъ побужденія ихъ стать на эту точку зрѣнія, то есть рѣшительное, наконецъ, вступленіе на тотъ путь, который Временному Правительству властно указанъ былъ демократіею въ видахъ скорѣйшаго достиженія общаго мира.

Если до сихъ поръ не было предпринято никакихъ серьезныхъ шаговъ въ этомъ направленіи, то это можетъ быть объясняемо только тою двойственностью нашей политики, въ которой отражается роковое раздвоеніе націи столь ярко обрисовавшееся во время московскаго совѣщанія.

Между тѣмъ наступившее для Россіи истинно грозное время требуетъ прежде всего единенія всѣхъ ея вѣрныхъ сыновъ озабоченныхъ спасеніемъ того, что еще можетъ быть спасено изъ крушенія былого величія и благоденствія нашего отечества, а такое единеніе не можетъ быть достигнуто пока демократическая Россія будетъ отождествлять себя съ крайними утопическими доктринами соціализма, а такъ называемая „цензовая“ Россія будетъ упорно держаться лозунга „война до конца“, рѣшительно отвергаемаго революціоннымъ народомъ, осуществленіе котораго — если бы по существующимъ условіямъ дѣйствительности оно было возможнымъ — могло бы лишь довершить разореніе и гибель Россіи.

Есть, однако, одна общая всему русскому народу нужда, повелительно указанная неумолимою логикою событій, и нужда эта заключается въ возможно скорѣйшемъ достиженіи общаго мира. Подъ этимъ знаменемъ можетъ и должно возсоздаться то незабвенное единеніе, которое передъ восхищенными взорами всего свѣта открыло величавый ликъ Россіи, въ сіяніи высокаго, единодушнаго порыва къ свободѣ, озарившемъ первые дни революціи, единеніе, которое возстановило бы передъ внѣшнимъ міромъ разъединившійся внутренній фронтъ нашъ, заставило бы замолкнуть злобные, полные презрѣнія къ русскому народу голоса, находившіе иногда къ стыду нашему сочувственный отзвукъ въ нашемъ терзаемомъ партійною междоусобицею обществѣ, удесятерило бы удѣльный вѣсъ голоса Россіи въ дѣлахъ международныхъ и уврачевало бы то психическое настроеніе, на почвѣ котораго могъ уже показаться въ кровавомъ туманѣ грозный призракъ гражданской войны.

Но вотъ, противъ самой мысли о возбужденіи съ нашими союзниками вопроса о своевременности начатія переговоровъ о заключеніи общаго мира, поднимаются протестующіе голоса. По мнѣнію однихъ, возбужденіе этого вопроса было бы измѣною союзникамъ, по мнѣнію же другихъ, это было бы совершенно безполезнымъ, такъ, какъ союзники наши намѣрены заключить миръ не иначе, какъ послѣ окончательнаго сокрушенія противника, и слѣдовательно, на предположенной почвѣ никакое соглашеніе не можетъ быть съ ними достигнуто.

Протесты первыхъ основаны либо на ошибочномъ, либо на умышленно-неправильномъ въ цѣляхъ газетной полемики толкованіи положенія Россіи среди союзныхъ державъ и обязательствъ, которыми она себя связала по отношенію къ нимъ. Въ этой коалиціи Россія

занимаетъ положеніе вполнѣ равноправнаго союзника и отнюдь не такое, которое могло бы быть **приравнено къ положенію, напримѣръ, Турціи въ союзѣ центральныхъ имперій.** Россія имѣетъ право требовать не менѣе внимательнаго отношенія къ ея жизненнымъ интересамъ чѣмъ то, которое она готова удѣлить жизненнымъ интересамъ своихъ союзницъ. Очевидно для всѣхъ, что русскій народъ неумолимымъ ходомъ событій поставленъ лицомъ къ лицу съ исполинскою задачею возсозданія разрушаемой анархіею русской государственности, что приступленіе къ выполненію этой задачи не терпитъ отлагательства, и что выполненіе ея невозможно при одновременномъ веденіи войны въ гигантскихъ размѣрахъ нынѣшней. Въ опубликованномъ текстѣ Лондонскаго соглашенія нѣтъ ничего такого, что могло бы лишить Россію права голоса въ вопросѣ о желательности и своевременности ликвидаціи войны путемъ мирныхъ переговоровъ. Право поднятія этого вопроса, когда она считаетъ, что этого требуютъ ея жизненные интересы, принадлежитъ Россіи безспорно, какъ равно и каждой участвовавшей въ этомъ соглашеніи державѣ, развѣ оно ограничено какими нибудь оставшимися секретными условіями, въ существованіе которыхъ отказываюсь вѣрить. Не могу себѣ представить, чтобы какой бы то ни былъ русскій министръ и какова бы ни была его самонадѣянная некомпетентность, способенъ былъ подписать условіе, которое, при неблагопріятномъ оборотѣ событій — возможность котораго очевидно всегда должна быть предусмотриваема — могло поставить русское правительство лицомъ къ лицу съ дилеммою — **либо измѣны Россіи, либо измѣны союзникамъ.** Что же касается отрицательнаго и даже саркастическаго отношенія къ лозунгу „миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ“, какъ приносящему въ жертву наши интересы (очевидно лишь потенціальные въ туманномъ будущемъ) и нѣсколько наивному, то достаточно будетъ напомнить, что изъ воюющихъ странъ ни мы, ни наши союзники не завладѣли на европейскомъ материкѣ территоріями, которыя могли бы сдѣлаться объектомъ аннексіи и литорга о контрибуціяхъ. Признаніе же этого лозунга всѣми цивилизованными державами установило бы исключеніе изъ нормъ международнаго права доселѣ признававшагося имъ „права завоеванія“ и тѣмъ самымъ устранило бы навсегда одинъ изъ главныхъ поводовъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ между государствами.

Наконецъ, вопросъ о томъ, возможно ли вообще достигнуть соглашенія съ союзниками о присоединеніи ихъ къ нашей точкѣ зрѣнія или, выражаясь точнѣе, точкѣ зрѣнія русской демократіи, можетъ быть выясненъ лишь путемъ самыхъ серьезныхъ переговоровъ и отнюдь не путемъ газетной полемики или обмѣна разсчитанными на внутреннее потребленіе деклараціями, питающими лишь взаимное недовѣріе и раздраженіе.

Наши имперіалисты повидимому еще не могутъ свыкнуться съ мыслію, что въ наше время, когда борются уже не сравнительно немногочисленныя арміи, а цѣлые вооруженные народы, веденіе вообще имперіалистической политики, неизбѣжно вызывающей вооруженныя столкновенія между народами, возможно лишь тогда, когда цѣли этой политики понимаются и одобряются народными массами, призванными для осуществленія ея жертвовать своей кровью и своимъ достояніемъ. Въ настоящей же войнѣ эти, для успѣшнаго веденія войны, важнѣйшія психологическія условія у насъ совершенно отсутствуютъ. Русское крестьянство, поставляющее едва ли менѣе 90% вооруженныхъ силъ Россіи, представляетъ собой огромную массу людей въ большинствѣ еще неграмотныхъ и темныхъ, политически совершенно неразвитыхъ, неспособныхъ разбираться въ сложныхъ вопросахъ внѣшней политики, съ весьма слабо развитымъ, если можно такъ выразиться, „государственнымъ“ патріотизмомъ, въ отличіе отъ привязанности къ родинѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такія отвлеченныя понятія какъ „великая славянская идея“, вопросы о „гегемоніи“, о „равновѣсіи силъ“, легенды о щитѣ Олега и страстномъ будто бы стремленіи русскаго народа къ завоеванію „Царьграда“, стратегическія соображенія касательно „проливовъ“, „ключей“ къ тому или иному морю и т. д. — все это въ сущности есть ничто иное, какъ измышленія мозговъ численно, — въ сравненіи съ громадною массою разноплеменнаго населенія Россіи,—совершенно ничтожныхъ круговъ такъ называемой интеллигенціи, которые благодаря тому, что располагаютъ большинствомъ органовъ печати, имѣютъ возможность вліять на правительственныя сферы и на сравнительно тоже немногочисленную читающую публику, умѣютъ создавать иллюзію существованія „общественнаго мнѣнія“ Россіи, настроеннаго въ желаемомъ ими направленіи. Въ дѣйствительности же всѣ эти отвлеченныя понятія недоступны пониманію народныхъ массъ и тѣхъ 12—15 милліоновъ крестьянъ, призванныхъ подъ знамена и носящихъ солдатскія шинели. Какъ и въ японскую войну, они шли на войну по повелѣнію царя, они видѣли побѣдоносныя наступленія, испытывали всѣ ужасы отступленій, но душа ихъ никогда не лежала къ этой войнѣ въ явную противоположность отношенію къ ней нашихъ доблестныхъ союзниковъ. Теперь нѣтъ больше царя, и пришла давно жданная свобода, которую они толкуютъ, какъ свободу для каждаго дѣлать что хочетъ. Они хотятъ итти домой, къ своимъ очагамъ, къ своимъ полямъ, они не хотятъ болѣе сражаться, они хотятъ—мира.

Надобно быть добровольно слѣпымъ и исполненнымъ презрѣнія къ собственному народу, чтобы, проходя мимо глубокихъ причинъ этого, можно сказать, стихійнаго явленія видѣть въ немъ одни лишь

плоды преступной и предательской, хотя также несомнѣнно существующей оплачиваемой нѣмецкимъ золотомъ, пропаганды.

Неоспоримо во всякомъ случаѣ, что неприкрашенная правда заключается вотъ въ чемъ:

Революціонный народъ въ полномъ единеніи съ революціонными арміею и флотомъ, **въ смутномъ инстинктивномъ сознаніи катастрофальнаго для Россіи значенія этой войны, властно требуетъ ея окончанія въ возможно скорѣйшемъ времени.**

Для всякаго, кто, въ это время подъ игомъ тираніи охватившаго весь свѣтъ психоза, сохранилъ способность свободнаго мышленія, не можетъ не быть совершенно яснымъ, что самая вопіющая нужда, трагически вопіющая нужда гибнущей Россіи—да и не только Россіи, а и всѣхъ истекающихъ кровью воюющихъ державъ Европы — есть миръ, но не миръ, достигнутый совершеннымъ сокрушеніемъ — если бы даже оно было возможнымъ — той или другой стороны, который повелъ бы только къ новымъ войнамъ въ болѣе или менѣе близкимъ будущемъ, а миръ достигнутый общимъ соглашеніемъ и основанный на началахъ права и справедливости для всѣхъ въ согласіи съ лозунгами русской демократіи и принципами, провозглашенными президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Такой миръ, безъ насильственныхъ аннексій и карательныхъ контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ, создалъ бы единственно возможныя условія, при которыхъ этотъ миръ могъ бы сдѣлаться дѣйствительно длительнымъ и нанесъ бы окончательное пораженіе идеѣ милитаризма, доказавъ воочію, что даже такая титаническая война, сопряженная съ такими ужасающими жертвами кровью и достояніемъ народовъ, не можетъ дать ни той, ни другой сторонѣ какія бы то ни было выгоды, хоть сколько-нибудь оправдывающія принесенныя колоссальныя жертвы.

Пора наконецъ отдать себѣ отчетъ въ грозномъ смыслѣ кровавой трагедіи, разыгрываемой на поляхъ сраженія Европы, и связи ея съ Русской революціею.

Нельзя упускать изъ виду, что Русская революція, помимо побѣды демократіи надъ самодержавіемъ, имѣетъ еще и значеніе грознаго предостереженія правящимъ классамъ всѣхъ воюющихъ державъ. Она означаетъ начало пробужденія трудоваго человѣчества, составляющаго подавляющее большинство рода человѣческаго, къ сознанію того, что чудовищное преступленіе этой войны и ея продолженія безъ предвидимаго конца возникло на почвѣ и вызывается соображеніями политики, которая для правящихъ классовъ представляетъ манящіе призраки могущества, славы, гегемоніи, престижа, рынковъ, расширенія предѣловъ государства, но которая для народныхъ массъ является лишь лозунгомъ, лишеннымъ смысла въ переводѣ на языкъ жизни простыхъ мужчинъ и женщинъ, за которую имъ однако при-

плось уже и будетъ приходиться еще расплачиваться милліонами погибшихъ сыновей и братьевъ своихъ, милліонами разрушенныхъ и разоренныхъ очаговъ и всѣми неизрѣченными страданіями, сопряженными съ войною въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ. Она предвѣщаетъ также, что когда для массъ народныхъ настанетъ день окончательнаго пробужденія, онѣ сдѣлаютъ этотъ день днемъ расплаты съ правящими классами, и что настоящая братоубійственная война между народами тогда можетъ обратиться въ братоубійственное междоусобіе массъ и классовъ внутри воюющихъ націй, грозящее гибелью нашей расѣ и цивилизаціи.

12-го сентября 1917 г.

Библиотека Института Ленина при ЦК Р.К.П. (б.) 160325

IV.

Самымъ роковымъ осложненіемъ положенія дѣлъ въ связи съ совершившимся у насъ переворотомъ было совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительности представленіе объ истинномъ смыслѣ и значеніи революціи, создавшееся въ самомъ началѣ въ союзныхъ странахъ и поддерживавшееся впослѣдствіи двусмысленнымъ отношеніемъ нашей дипломатіи къ директивамъ даннымъ Временному Правительству осуществившею переворотъ демократіею. Заблужденіе это раздѣлялось, очевидно, вполнѣ искренно тѣми кругами, съ которыми соприкасалась всего ближе союзная дипломатія и въ средѣ которыхъ она привыкла искать источниковъ освѣдомленія. Послѣдствія же этого коренного недоразумѣнія были для насъ роковыми. Оно вызывало съ внѣшней стороны совершенно по отношенію къ великой державѣ не допустимое давленіе съ цѣлью вызвать насъ на наступательныя дѣйствія на нашемъ фронтѣ. Податливость этому давленію повела къ попыткѣ наступленія на юго-западномъ фронтѣ, которое, предпринятое не по стратегическимъ соображеніямъ и расчетамъ, а по политическимъ и отчасти сантиментальнымъ мотивамъ, послѣ первоначальнаго показного успѣха, достигнутаго ужасающими жертвами личнаго состава нашего истинно-геройскаго офицерства, окончилось тѣмъ, чѣмъ оно при данныхъ условіяхъ не могло не кончиться, сыграло въ руку Гинденбурга, обнаживъ воочію состояніе нашей арміи и давъ ему увѣренность въ возможности пожатія новыхъ дешевыхъ лавровъ, повлекло за собою прорывъ юго-западнаго и затѣмъ и сѣверо-западнаго фронтовъ, потерю Риги, перспективу возможныхъ дальнѣйшихъ потерь территоріи. Зато насъ утѣшаютъ тѣмъ, что мы этимъ наступленіемъ спасли нашу честь въ глазахъ союзниковъ. Признаюсь, я не знаю такой чести, передъ кѣмъ бы то ни было, которая могла бы требовать пожертвованія кровными интересами отечества. Но, я знаю, что вмѣстѣ съ революціею передъ нами всталъ дѣйствительный долгъ чести передъ союзниками и что этотъ долгъ требовалъ отъ насъ не старанія, скрывать истинный смыслъ и значеніе революціи, какъ возстанія русскаго народа противъ войны, а открытаго признанія той неприкрашенной правды, что революціонный народъ въ полномъ единеніи съ революціонными арміей и флотомъ, въ смутномъ инстинктивномъ сознаніи катастрофальнаго для Россіи значенія этой войны, властно требовалъ и требуетъ скорѣйшаго ея окончанія. И вотъ этого то долга мы не исполнили, хотя того требовало не только соблюденіе

нашей чести передъ союзниками, но и соблюденіе нашихъ собственныхъ жизненныхъ интересовъ, и въ равной мѣрѣ интересовъ нашихъ союзниковъ, и нашей коалиціи, какъ таковой. Самая элементарная государственная мудрость требовала отъ насъ подчиненія волѣ народа, а не попытокъ насиловать эту волю, пусть и выраженную революціонно, стихійно, голосомъ самочинныхъ организацій, но властно и недвусмысленно. Великій русскій народъ не можетъ въ нашей коалиціи взять на себя добровольно роль приравниваемую къ безгласной роли Турціи въ коалиціи центральныхъ имперій, роль безгласнаго поставщика неисчерпаемаго запаса многомилліоннаго человѣческаго матеріала, роль того Мавра, которому можно сказать: „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, Мавръ можетъ итти". Голосъ русскаго народа вездѣ и всегда будетъ имѣть право быть услышаннымъ и онъ несомнѣнно былъ бы услышанъ нашими союзниками, если бы мы сами не ослабили его двусмысленнымъ положеніемъ, принятымъ нашей дипломатіей, внушеннымъ, должно полагать, ошибочнымъ представленіемъ о томъ, чего требуютъ истинные интересы Россіи, если не желаніемъ, поскольку это возможно „спасти лицо", приверженцевъ той политики, которая навлекла на Россію катастрофу этой войны, давшей уже ей небывалыя униженія и грозящей ей худшимъ еще позоромъ.

Не приходится, конечно, сомнѣваться въ вѣрной оцѣнкѣ создавшагося положенія и его явно неизбѣжнаго дальнѣйшаго развитія высоко просвѣщенными и дѣйствительно опытными въ государственныхъ дѣлахъ руководителями политики въ союзныхъ странахъ. Они не могли и не могутъ не отдавать себѣ яснаго отчета въ томъ, что дальнѣйшее и въ глазахъ всякаго опытнаго наблюдателя явно неизбѣжное ослабленіе столь существеннаго звена въ цѣпи коалиціи какимъ является Россія, даже до извѣстной степени компенсируемое присоединеніемъ къ коалиціи Соединенныхъ Штатовъ, въ весьма значительной и съ каждымъ мѣсяцемъ войны возрастающей мѣрѣ ослабляетъ крѣпость всей цѣпи и что, поэтому, ясный политическій расчетъ указывалъ и указываетъ на необходимость, не ожидая дальнѣйшаго ослабленія Россіи, отозваться съ полною готовностью на приглашеніе русской демократіи приступить къ ликвидаціи войны путемъ переговоровъ. Но они, очевидно, не могли бы вступить на этотъ путь, пока мы сами, устами нашей дипломатіи, увѣряли и продолжаемъ увѣрять ихъ въ нашей рѣшимости, вопреки для всего свѣта явной невозможности, продолжать войну во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Такая политика, основанная на безпочвенныхъ иллюзіяхъ, замалчиваніи правды, упорствѣ въ самообманѣ и партійномъ малодушіи, можетъ только, вводя въ заблужденіе нашихъ союзниковъ, принести непоправимый вредъ истиннымъ интересамъ Россіи и, если мы дѣй-

ствительно попытаемся ее осуществить, грозитъ намъ довершеніемъ уже начатаго анархіею разрушенія нашей государственности.

Моментъ, со столь роковымъ легкомысліемъ нами пропущенный, былъ дѣйствительно благопріятнымъ для приступленія, соединенными силами и въ общихъ интересахъ, къ требуемой русскою демократіею ликвидаціи войны путемъ переговоровъ. Подтачиваніе анархіею нашей государственности еще только началось, боеспособность нашей арміи и нашего флота еще не подвергались сомнѣнію, стратегическій фронтъ нашъ еще былъ не тронутъ и представлялъ еще грозную силу. Съ другой стороны истощенная и побѣжденная Германія явно желала мира. Я употребляю выраженіе „побѣжденная Германія" намѣренно и сознательно, и вотъ почему: Шовинисты, какъ наши, такъ и союзныхъ странъ, вѣрящіе въ необходимость и возможность полнаго сокрушенія противника, силою оружія, пользуясь какъ не опровержимымъ аргументомъ велерѣчивыми ораторскими выступленіями германскихъ государственныхъ людей и парламентаріевъ и задорнымъ тономъ статей германской подцензурной печати, любятъ изображать Германію какъ горделивую побѣдительницу, стремящуюся навязать намъ„ германскій миръ", основанный на „картѣ войны", такъ какъ это даетъ имъ возможность утверждать, что съ такою Германіею немыслимо вступить въ такіе бы то ни было переговоры, пока она не будетъ окончательно сокрушена силою оружія и что, поэтому, продолженіе войны во что бы то ни стало является необходимостью, съ которою народамъ приходится мириться. Въ дѣйствительности же, дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Первоначальный планъ Германіи, имѣвшій въ виду сокрушеніе военнаго могущества Франціи, въ битвахъ на Марнѣ и передъ Верденомъ, столь блестящихъ побѣдахъ французскаго оружія, потерпѣлъ полное крушеніе и, слѣдовательно, изъ кампаніи на западномъ фронтѣ, Германія, несмотря на еще продолжающееся занятіе ея арміями большей части территоріи Бельгіи и нѣсколькихъ департаментовъ Франціи, отнюдь не вышла побѣдительницею. На восточномъ фронтѣ, послѣ нашихъ первоначальныхъ побѣдоносныхъ наступленій, германцы нанесли намъ рядъ чувствительныхъ пораженій и заняли своими арміями громадныя территоріи, но цѣли всякой войны, т. е. сокрушенія военнаго могущества противника, они не достигли. Слѣдовательно и на восточномъ фронтѣ, Германія не является побѣдительницею въ точномъ смыслѣ этого слова. При современныхъ условіяхъ веденія войны уже немыслима полная побѣда одной которой либо стороны надъ другою, потому что при многомилліонномъ составѣ армій стоящихъ въ окопахъ другъ противъ друга совершенно исключена возможность окруженія, плѣненія или разбитія на голову той или другой изъ борющихся громадныхъ силъ — какъ это было при Седанѣ, Мецѣ или Ватерлоо—которыми въ былыя времена кончались

кампаніи оставляя побѣжденныхъ противниковъ безоружными и безпомощными. Рѣшающими исходъ войны элементами уже не могутъ являться ни частичныя побѣды или пораженія, ни занятія тою или другою стороною хотя бы обширнѣйшихъ территорій. Исходъ такой титанической борьбы народовъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ является и борьбою идей и принциповъ, можетъ опредѣлиться только невѣсомыми элементами, политическими, моральными и экономическими. А на этой почвѣ Германія потерпѣла уже полное пораженіе по всей линіи: она возстановила противъ себя коалицію уже почти всего цивилизованнаго человѣчества, не только бѣлой, но и желтой расы; своими способами веденія войны она возбудила рѣшительно во всемъ свѣтѣ негодующее къ себѣ чувство, которое не скоро изгладится изъ памяти человѣчества. Къ тому же она разорена въ финансовомъ отношеніи, она лишилась уже въ значительной степени плодовъ феноменально быстраго и гигантскаго развитія своей промышленности и торговли, она лишилась, если не безвозвратно, то на долгое время тѣхъ рынковъ, гдѣ она еще недавно пользовалась преобладающимъ значеніемъ. Она несомнѣнно терпитъ острую продовольственную нужду, хотя не такую чтобы она вынуждена была молить о пощадѣ. Немыслимо, чтобы германскій народъ не сознавалъ себя побѣжденнымъ въ этой борьбѣ, сколько бы ни утверждали противное глашатаи той властвующей касты съ ея приспѣшниками, которая навлекла на народъ свой и на всю Европу неизрѣченныя бѣдствія этой ужасной войны.

Но наша коалиція, несмотря на ослабленіе нашего фронта, благодаря присоединенію къ ней Соединенныхъ Штатовъ, съ ихъ неисчерпаемыми матеріальными рессурсами, и потенціальною военной мощью, еще и теперь обладаетъ матеріальною силою и нравственнымъ авторитетомъ вполнѣ достаточными для того, чтобы — если только и когда только она этого дѣйствительно пожелаетъ — побудить германское правительство и правящую касту, на которую оно опирается, подчиниться волѣ теперь уже почти всего человѣчества, объединившагося въ рѣшимости положить конецъ міровой войнѣ, волѣ, выраженной въ формѣ ультимативнаго предложенія, выработаннаго на основаніи права и справедливости, и согласованнаго съ формулой русской демократіи и принципами провозглашенными въ концѣ минувшаго года президентомъ Вильсономъ. Наша же ближайшая задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы незамедлительнымъ, хотя, увы, уже запоздалымъ вступленіемъ въ переговоры съ нашими союзниками, стремиться къ тому, чтобы такая воля человѣчества къ скорѣйшему окончанію этой позорящей цивилизацію войны, воля несомнѣнно раздѣляемая всѣми народами, получила наконецъ то выраженіе, которое должно повести къ началію переговоровъ о заключеніи общаго мира.

20-го сентября 1917 г.

V.

Письмо А. М. Горькому *).

Милостивый Государь
Алексѣй Максимовичъ!

Будучи весьма убѣжденнымъ противникомъ утопическихъ доктринъ соціализма и тѣмъ болѣе попытокъ ихъ осуществленія въ нашемъ отечествѣ, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь обратиться къ Вашему безпристрастію и патріотизму съ покорнѣйшею просьбою удѣлить мѣсто этому моему письму на столбцахъ Вашей уважаемой газеты. Рѣшаюсь я на это потому, что Вы, какъ и я поставили себѣ задачу служить дѣлу возстановленія общаго мира, хотя мы расходимся въ мнѣніяхъ касательно пути, которымъ эта цѣль могла бы быть достигнута. Служеніе же этому дѣлу считаю священнымъ долгомъ всякаго русскаго гражданина, болѣющаго душою о судьбахъ родины и озабоченнаго спасеніемъ того, что еще можетъ быть спасено изъ крушенія былого величія и благоденствія нашего отечества. Въ предупрежденіе всякихъ вольныхъ или невольныхъ недоразумѣній, считаю нужнымъ оговорить тутъ-же, что подъ „общимъ миромъ“ я разумѣю миръ, достигнутый въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми намъ слѣдовало еще полгода тому назадъ вступить въ этихъ видахъ въ переговоры, какъ это свергнувшею ихъ самодержавія демократіею властно указано было Временному Правительству, но до сей поры не было приведено въ исполненіе.

Покорнѣйше прошу Васъ дать мѣсто ниже изложенному содержанію тождественнаго письма, адресованнаго мною 14-го сего сентября редакціямъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ, ни въ одной изъ которыхъ оно до сихъ поръ напечатано не было.

„Въ разсужденіяхъ по вопросу о мирѣ вліятельной части нашей печати, очевидно отражающей распространенные въ нашемъ обществѣ взгляды, привлекаетъ вниманіе между прочимъ слѣдующее:

---

*) Напечатано въ газетѣ „Новая Жизнь“ отъ 26 сентября 1917 г.

Во-первыхъ, отрицательное отношеніе къ провозглашенной русскою демократіею формулѣ: „безъ аннексій и безъ контрибуцій“, про которую такой почтенный органъ нейтральной печати, каковъ „Journal de Génève“, который никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ германофильствѣ, ни въ „циммервальдизмѣ“, выразился такъ: elle s'impose peu à peu non seulement aux délégués de Stockholm, mais à l'opinion de tous les pays*).

Къ смыслу формулы этой присоединилась резолюція о мирѣ, принятая значительнымъ большинствомъ голосовъ германскаго рейхстага въ засѣданіи 6/19 іюля. А въ своемъ отвѣтѣ на ноту Ватикана германское правительство заявляетъ о томъ, „сколь близко оно принимаетъ къ сердцу задачу въ соотвѣтствіи съ желаніями Его Святѣйшества и съ резолюціею германскаго рейхстага о мирѣ, принятой 19 іюля (п. ст.)“. Резолюція же эта включаетъ между прочимъ и присоединеніе рейхстага къ смыслу формулы русской демократіи. Отказъ отъ аннексій, обусловленный присоединеніемъ къ смыслу этой формулы, можетъ очевидно относиться только къ той сторонѣ, которая фактически силою оружія завладѣла территоріями, которыя могли бы сдѣлаться объектомъ аннексіи. Формула русской демократіи неосporимо покрываетъ всѣ занятыя непріятелемъ территоріи, слѣдовательно и Курляндію съ Ригой, и Литву, и Польшу, и такимъ образомъ никакими реальными нашими интересами не жертвуетъ. Мечта же объ аннексіи части Ѳракіи съ Константинополемъ и азіатскими берегами проливовъ, если она вообще осуществима, была бы во всякомъ случаѣ осуществимой очевидно лишь въ отдаленномъ и весьма туманномъ будущемъ и поэтому не могла бы быть отнесена къ реальнымъ интересамъ Россіи. Наконецъ, принятіе всѣми цивилизованными державами этой формулы, къ чему будущая мирная конференція должна стремиться, установило бы окончательное исключеніе изъ нормъ международнаго права, признававшагося имъ доселѣ „права завоеванія“ и тѣмъ самымъ устранило бы навсегда одинъ изъ главныхъ поводовъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ между государствами.

Во-вторыхъ, постоянно высказываемыя ожиданія, что германское правительство наконецъ выступитъ съ заявленіемъ о конкретныхъ условіяхъ мира, для него пріемлемыхъ, если оно дѣйствительно, а не лицемѣрно, желаетъ мира, и опасенія, что подъ умолчаніемъ о такихъ конкретныхъ условіяхъ въ заявленіяхъ этого правительства кроется какая-то ловушка, съ цѣлью выманить у нашей коалиціи согласіе на заключеніе „германскаго мира“. Подобными разсужденіями пестрятъ также страницы органовъ печати въ союзныхъ странахъ, обслуживающихъ настроенія правительствами и правящими классами искус-

*) Передовая статья № отъ 26-го іюня.

ственно взлелѣянныя и поддерживаемыя небывалымъ въ доселѣ свободныхъ странахъ гнетомъ цензуры и правительственнаго произвола. Для всякаго когда-нибудь соприкасавшагося съ веденіемъ переговоровъ, не говоря уже о переговорахъ по важнѣйшимъ международнымъ вопросамъ, а просто переговоровъ, касающихся какихъ бы то ни было важныхъ, частныхъ даже, интересовъ, не можетъ не быть яснымъ, что такой образъ дѣйствій германскаго правительства диктуется ему именно сознаніемъ невозможности достигнуть того, что принято подразумѣвать подъ выраженіемъ „германскій миръ“*). Наша же коалиція, съ присоединеніемъ къ ней Соединенныхъ Штатовъ, пріобрѣла матеріальную силу и нравственный авторитетъ вполнѣ достаточные, несмотря на ослабленіе нашего фронта, для того, чтобы **если только и когда только она дѣйствительно того пожелаетъ** побудить германское правительство и правящую касту, на которую оно опирается, подчиниться волѣ теперь уже почти всего человѣчества, выраженной въ ясной формѣ ультимативнаго предложенія, основаннаго на началахъ права и справедливости для всѣхъ. Нежеланіе вступить на путь переговоровъ въ этомъ направленіи можетъ быть объясняемо только намѣреніемъ продолжать войну во что бы то ни стало, въ надеждѣ на такія военныя событія, которыя въ неопредѣленномъ будущемъ должны привести къ осуществленію обѣщаннаго правительствами своимъ народамъ полнаго сокрушенія противника“.

Вотъ тѣ мысли, открытое высказываніе которыхъ вліятельная часть нашей печати, повидимому, считаетъ неудобнымъ или быть можетъ даже вреднымъ, хотя мысли эти безъ сомнѣнія раздѣляются какъ у насъ, такъ и въ другихъ воюющихъ странахъ милліонами людей, которые, подъ гнетомъ тиранніи поддерживаемаго правительствами и правящими классами воинственнаго психоза сохранили способность свободнаго мышленія.

Безпочвенныя иллюзіи, замалчиваніе правды, упорство въ самообманѣ и политическое малодушіе, вотъ тѣ препятствія которыя загораждаютъ путь, ведущій къ пробужденію отъ кошмара кроваваго безумія, охватившаго почти всѣ народы бѣлой расы, путь, указанный русскою демократіею только что свергнувшею ненавистное иго самодержавія, молніеносно побѣдною революціею, всею Россіею восторженно воспринятою, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была возстаніемъ русскаго народа противъ губящей Россію войны, сколько бы ни

*) Во всякихъ дѣловыхъ переговорахъ для стороны предвидящей необходимость значительныхъ уступокъ, самая элементарная тактика очевидно будетъ заключаться въ томъ, чтобы не заявлять впередъ о томъ, какія именно она готова сдѣлать уступки, а ждать пока таковыя не будутъ у нея потребованы другою стороною.

старались затемнить это истинное значеніе русской революціи. Однако, путь этотъ долженъ быть пройденъ и вступленіе воюющихъ державъ на этотъ путь должно состояться и несомнѣнно состоится въ ближайшемъ будущемъ, развѣ только неисповѣдимая воля провидѣнія предопредѣлила грядущую гибель нашей расы и нашей цивилизаціи.

Допущенное же нами самими промедленіе въ приступленіи къ переговорамъ съ нашими союзниками въ указанномъ демократіею направленіи и двусмысленное отношеніе нашей дипломатіи къ провозлашенной ею формулѣ, причинили уже и продолжаютъ причинять неисчислимый и непоправимый вредъ истиннымъ интересамъ Россіи. Удѣльный вѣсъ ея голоса съ каждымъ лишнимъ мѣсяцемъ войны падаетъ, по мѣрѣ того, какъ все болѣе быстрыми шагами надвигается государственное банкротство, полная разруха экономической жизни страны и разрушеніе нашей государственности все выше поднимающейся волною анархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта двойственность нашей политики въ вопросѣ о мирѣ и войнѣ обнажаетъ передъ всѣмъ свѣтомъ раздвоеніе націи на подавляющее большинство жаждущее и алчущее мира и вліятельное меньшинство упорно держащееся лозунга „война во что бы то ни стало“ осуществленіе котораго, если бы оно, по существующимъ условіямъ дѣйствительности, было возможнымъ, могло бы повести лишь къ завершенію разоренія и гибели Россіи,—раздвоеніе на почвѣ котораго уже могъ показаться грозный призракъ гражданской войны.

Намъ слѣдуетъ помнить, что надъ современною Россіею и ея дѣятелями всѣхъ партій свой безпощадный приговоръ произнесутъ грядущія поколѣнія русскаго народа.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Баронъ Романъ Розенъ.

25-го сентября 1917. г.

Библіотека
Института [illegible]
при ЦК. Р.К.П. (б.)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПАРУСЪ".

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 64.

Цѣна 1 рубль.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу брошюра того-же автора:

„Европейская политика Россіи",

меморандумъ сообщенный Правительству **въ Октябрѣ 1912 года** въ предвидѣніи приближенія міровой войны и грозящей Россіи катастрофы.